

От редакции

В этом номере в связи с юбилеем МГУ на наши вопросы отвечает вице-президент РГО, профессор МГУ, более 40 лет читающий курс иммунологии, внесший вклад в биологию развития, изучение канцерогенеза и иммунодиагностику опухолей, — академик Гарри Израилевич Абелев.

В воспоминаниях Г. И. Абелева читатель заметит, как светлые впечатления от студенческих лет в МГУ, глубокая благодарность Московскому университету, живая память о замечательных университетских учёных-профессорах невольно смешиваются у него с горечью от мрачной реальности, в которой существовала наука тех лет, — лысенковщины, разгрома кафедр генетики и других, кампании борьбы с «космополитизмом»...

Даже в эти торжественные дни никуда не уйти и от актуальных проблем. «Безусловная ценность фундаментальной науки, без необходимости обоснования практической пользой — главная и важнейшая традиция МГУ», — отмечает Г. И. Абелев. Многие чиновничьи решения, продиктованные соображениями сиюминутной выгоды, бюрократическими интересами либо непониманием сущности науки, грозят подорвать в первую очередь именно фундаментальные исследования. В связи с этим редакции хочется обратить внимание читателя на тот факт, что о приоритетности якобы «далёких от насущных интересов» научных исследований говорит учёный, чьи труды нашли широкое применение в клинической онкологии.

ТРАДИЦИИ ВЫСОКОЙ И ЧИСТОЙ НАУКИ

Гарри Абелев

? *Какие у Вас самые яркие впечатления о студенческих годах?*

Был ряд впечатлений, которые, без сомнения, можно было бы отнести к весьма ярким. Но особенности моего характера позволяют выделить их лишь задним числом — много лет спустя, а не в то время, когда они происходили.

Поступление в Университет. Университет для меня по окончании школы, а это было в 1945 г. — последнем году войны, — был единственным возможным местом дальнейшей учёбы, настоящей и горячо желанной жизни, «светом в окошке». Я знал, чем я хочу заниматься: природой сознания, высшей нервной деятельностью, сущностью жизни, т. е. именно тем, чем занимались только в Университете. Готовился я к вступительным экзаменам чрезвычайно серьёзно, особенно к сочинению и устной литературе — первым экзаменам, где шёл основной отсев. Литература была моим «коронным номером», так как у нас в 10-м классе был замечательный педагог, Георгий Иванович Фомин, преподававший ещё в одной из лучших московских гимназий, знаток литературы и особенный любитель и ценитель Пушкина. Отношение к Пушкину он передал и нам — немногочисленным ребятам, собранным в 10-м классе со всей Москвы, дошедшим во время войны до окончания школы.

Естественно, что на экзамене я стал писать «образ Татьяны», где и собирался блеснуть своим знанием Пушкина, знанием не по учебнику и не по канону. Одна-

ко моё сочинение вызвало смех у студенток филологического факультета, которые принимали экзамен, и они вlepили мне «3», а не «2», только из-за отсутствия грамматических ошибок. На устной литературе я увидел свою тройку и ощутил в интонациях принимающих насмешку, смешанную с любопытством. На этот раз я отвечал всё «как положено» и по основным и по дополнительным вопросам, но получил только «4», потеряв 3 балла из 25, что было уже на грани отсева, а конкурс был 6 человек на место. Физику, химию и язык я сдал на 5, набрав полупроходной балл — 22 из 25 — и утратил почти полностью надежду на поступление. Когда я был принят, у меня не было даже сил радоваться и поверить в результат — в то, что он окончательный и необратимый.

Первые курсы в МГУ. Учился я с жадностью и интересом. Всё в МГУ — а это был старый Университет на Моховой — было для меня удивительным миром, миром высокой науки, где жили и действовали необыкновенные люди, миром, который привлекал меня, но всё ещё казался далёким и недоступным. Я жадно занимался, но далеко не всё давалось мне просто. Так, особенно труден был для меня количественный анализ по химии, трижды я повторял одну и ту же задачу — надо было определить вещество с точностью до 4-го знака. У меня это упорно не получалось, вплоть до отчаяния. Я почти убедился в собственной непригодности для научной работы. И до сих пор не знаю, выполнил ли я эту задачу или преподавательница поставила зачёт из

снисхождения. На всю последующую жизнь я получил отвращение к количественным определениям, им не верил ни у себя, ни у других, стремился лишь к результатам качественным — «да — нет», и всю жизнь работал преимущественно с ними. Но эта задача была «ярким» событием в моей студенческой жизни, и вспоминаю я её до сих пор с ужасом.

На втором курсе мы с товарищем Сашей Зотиным организовали кружок биофизики, стали серьёзно заниматься физической химией с профессором химфака Сергеем Сергеевичем Васильевым, который читал специально для нас спецкурсы по математике, термодинамике и химической кинетике. Это были интересные и яркие события в студенческой жизни. Одновременно я по вечерам работал в лаборатории Александра Гавриловича Гурвича — замечательного учёного, автора теории биологического поля и митогенетического излучения. Работал я много и упорно, но учёт митогенетического излучения по индукции размножения дрожжей у меня не получался, несмотря на все мои старания. Не получался — и всё! И это меня мучило. Тогда у меня и возникла тяга к биохимии, как науке твёрдой и ясной, основанной на поведении веществ, пробирочном эксперименте.

Мы окончили третий курс и были уже весьма образованными биологами. И тут, в августе 1948 г., разразилась сессия ВАСХНИЛ, которая на года разметала биологию, уничтожила генетику и исказила все биологические исследования. Но мы, уже четверокурсники, пришедшие к специализации (я — по биохимии растений), уже всё понимали, относились к пришельцам как к оккупантам, подчинялись им как «грубой силе» и старались держаться от них как можно дальше. Кругом происходило множество драматических событий: разгром уважаемых кафедр — генетики, динамики развития, эволюционной морфологии. Началась кампания борьбы с космополитизмом. Атмосфера сгущалась, и всё это отравляло нашу студенческую жизнь.

Во всех своих делах я, опираясь на прошлый опыт и, по-видимому, на особенности характера, концентрировался на недостатках работы, что и отравляло радость от её успеха. И главный мой тогдашний успех — выделение нового белка из ядер растений в дипломной работе — казался мне лишь предварительным, требующим доработки.

Мой доклад о новом белке был поставлен моим учителем А. Н. Белозерским на Менделеевском обществе в МГУ, что для студента было редким, если не редчайшим, событием, но я не мог радоваться успеху без омрачающих сомнений. Эта работа была опубликована в «Вестнике Московского университета» А. Н. Белозерским и мною только через 5 лет, когда лысенковская биология несколько ослабла.

Университетские критерии были для меня высшими, и приглашение меня А. Н. Белозерским для чтения курса в МГУ было большим событием в жизни.

? *Какие традиции МГУ были наиболее ценными?*

Традиции высокой и чистой науки. Наука в МГУ — для его людей и в постановках проблем — была всегда фундаментальной. А если и прикладной — как генетика курицы (А. С. Серебровский) или многоплодие овец

(М. М. Завадовский), — то прочно опирающейся на фундаментальную.

Безусловная ценность фундаментальной науки, без необходимости обоснования практической пользой, — главная и важнейшая традиция МГУ.

? *Что Вы можете сказать об отношении университетской и академической науки, их взаимодействии или параллелизме?*

С моей точки зрения, университетская наука, всегда неразрывно связанная с преподаванием фундаментальных наук, неизбежно имеет систему ценностей фундаментальных наук и стремится к фундаментальности. В этом её главная ценность. Прикладные задачи возникают в ней как логическое продолжение и приложение наук фундаментальных. Как говорил мой учитель А. Н. Белозерский: «Я ценю университет за то, что здесь наша обязанность учить студентов, а наукой можно заниматься по собственному усмотрению и с самыми широкими контактами». Основное достоинство университетской науки — обязательное базирование на фундаментальной науке, свобода выбора целей и путей исследования и постоянные контакты с самым широким кругом настоящих специалистов. Этим она отличается от науки академической — более сфокусированной на ключевых проблемах «своей» отрасли, часто имеющей чётко прикладные задачи, с меньшими междисциплинарными контактами, меньшими обязанностями по преподаванию, но, как правило, гораздо более обеспеченной.

Сочетание академической и университетской науки наиболее ценно. Привлечение академических учёных к университетскому преподаванию — чтению курсов и работе с дипломниками — способствует у академических учёных широте и фундаментальности, а контакты с академическими институтами дают университетским учёным дополнительные возможности, оттачивают их профессионализм. Работа научных институтов при университетских факультетах — естественная и замечательная форма такого взаимодействия. ■

Старое здание Московского университета на ул. Моховой. Восстановлено в 1817–1819 гг. после пожара 1812 г. по проекту Д. Жиларди